

Лекси Королёва

г. Саратов

Ступени

Раз-два-три... семнадцать...

Иван Петрович каждое утро, спускаясь в подземный переход, пересчитывал ступени. Их всегда было одинаковое количество, но Иван всё равно пересчитывал, просто так, на всякий случай. Утром 14 мая он сделал это как обычно, хотя ему и хотелось от радости прыгать через две ступеньки. Шутка ли, не каждый день человек получает ключи от собственной квартиры. Пусть небольшой, но всё же квартиры, с отдельной ванной и кухней. После трёх лет в общежитии, где была единственная кухня и уборная на шесть комнат, в каждой из которых жило по три человека, собственная квартира казалась Ивану Петровичу раем. Мойся в ванной сколько влезет, жарь на кухне картошку и валяйся на диване. Хотя наш герой и не был лентяем, но, признаться, минувшие выходные он именно так и провёл: валялся на диване, жарил картошку и мылся в ванной, наслаждаясь тишиной и одиночеством. Супруга (именно женитьбе Иван и Наталья были обязаны получением «своего угла») уехала к родителям в деревню, и Иван хозяйничал сам.

В то утро он весело бежал через подземный переход на трамвайную остановку, чтобы ехать на родной завод в утреннюю смену. Иван Петрович работал токарем. Ступени в переходе были новенькими, его открыли совсем недавно, всего-то несколько недель назад. А вот и трамвай, ярко-синий, сверкая свежей краской на бортах, подъехал к остановке и замер, распахнув двери. Прокompостировав билет, Иван Петрович улыбнулся ласковому весеннему солнышку и приветливо помахал рабочим, вешавшим фонарь над остановкой. Один из них махнул Ивану в ответ.

Раз-два-три... семнадцать...

Кристина родилась осенью. В ноябре. Иван хорошо помнил, как стоял под окнами родильного отделения и с тревогой ждал новостей. Не менее хорошо он помнил и тот день, когда уже немолодая нянечка вручила ему огромный конверт с новорождённой на крыльце этого самого медучреждения, он тогда приехал забирать домой жену и дочку. Это был один из самых радостных дней в жизни Ивана Петровича. В тот день он снова считал ступени в переходе, спеша на трамвай. А потом они с Наташей и Кристиной ехали обратно на таком же ярко-синем трамвае, и он очень крепко прижимал к себе ярко-розовый конверт. Был уже вечер, когда они вышли на своей остановке, и ярко-жёлтый фонарь освещал всё вокруг, делая остановку как-то по особенному уютной, несмотря на первые заморозки и моросящий дождик.

– Какой же у нас всё-таки красивый город, – вздохнула мечтательно Наталья, беря мужа под руку и прижимаясь к его плечу. Он только улыбнулся в ответ, приподнимая краешек розового одеяльца от ветра.

Раз-два-три... семнадцать...

Теперь уже они каждое утро считали ступени вместе. Папа и его школьница-дочка.

– До вечера! – помахал он рукой в окно отъезжающего трамвая.

– До вечера, папа! – крикнула в ответ Кристина, стоя на тротуаре.

Иван Петрович каждое утро провожал дочь в школу, находившуюся на две остановки ближе, чем завод, где он работал. Вечером Кристина уезжала домой раньше, но всегда ждала его дома у окна, из которого был виден и переход, и трамвайная остановка, освещённая ярко-жёлтым светом фонаря. По вечерам уже она махала ему в окно, когда он приближался к дому.

Раз-два-три... семнадцать...

Снова он считал один, иногда чуть грустно вздыхая и тут же одёргивая себя. После школы Кристина поступила в столичный институт. Получила профессию, по распределению попала в Подмосковье да так там

и осталась. Они с Наташей ездили в прошлом году на свадьбу...

Скоро-скоро внуки народятся. Скорей бы уж. Так хочется понянчить, поиграть, научить всему, что сам знаешь, и снова считать ступени, сжимая в своей руке крошечную ручку, хоть на мгновение, но возвращающую молодость...

Раз-два-три... семнадцать...

Ступени от времени потемнели, места на них появились щербины и сколы. В девяностые убыточным стало предприятие городского электротранспорта и только чудом ещё не закрылось – новые трамваи теперь не закупали, а старые не красили. Да и фонарь на остановке всё чаще не работал. Ивану Петровичу не хватало его тёплого жёлтого света, создающего уют даже в первые заморозки.